

Личное дело духовной культуры (размышления о библиотеке)

Библиотека рассматривается как собрание текстов на разных носителях, как место и способ коммуникации с прошлым. В свою очередь, характер коммуникации определяет бытие библиотеки как способа организации духовного опыта человечества. В статье представлены размышления автора о библиотеке, которые, как он надеется, могут быть интересны читателям.

Ключевые слова: библиотека, способ коммуникации, духовный мир, уникальность.

Начнем с простого вопроса: могли ли существовать библиотеки в дописьменной культуре? Если определять библиотеку как хранилище текстов, предназначенных для публичного использования (а это обычное базовое ее определение), то ничто не мешает назвать библиотекой огромное собрание гимнов «Ригведы» или поэм Гомера (которые практически никогда не исполнялись от начала до конца и бытовали в качестве отдельных песен наряду со многими другими¹). Монастырь, где брахманы с точностью до звука заучивают и передают следующим поколениям священные гимны, вполне можно считать дописьменной библиотекой. *Масса собраний текстов разного рода существовала до того, как их начали записывать.*

И второй вопрос: что, собственно, изменилось, когда эти тексты записали? Можно ли считать библиотеками тексты пирамид? Да, они не были доступны публично. Но и хранилища глиняных табличек в Ниневии не были доступны широкой публике. Это были тексты для царей. Что же касается библиотеки как хранилища, то здесь появляются два важных момента — *история* и *порядок*. Начнем со второго. Разумеется, это не значит, что сразу рождается историческое сознание. Нет, речь идет о появлении истории текста. Только гораздо позднее возникает идея о том, что эта история отражает еще и историю народа². В устной традиции (за исключением того специально разработанного способа, каким с абсолютной точностью передавались в веках гимны «Ригведы») тексты не могут устареть и, соответственно, требуют исследования значений устаревших слов. В процессе устной передачи

**Олег Альбертович
Донских,**
доктор философских наук

сказители меняют непонятное на понятное, постоянно осовременивая текст. Письмо позволяет сохранять текст, аутентичный его времени. Конечно, в ситуации с иероглификой или клинописью изменения в произношении определенных слов не играли роли (хотя на то, что здесь также были некоторые связанные с устареванием трудности, указывает наличие лексических табличек уже в собрании Ашшурбанипала (см. ниже). Существенный скачок в этом отношении происходит с появлением фонематической письменности. Необходимость толкования уже непонятных современному читателю слов и выражений создает независимо друг от друга грамматические учения в Индии и Греции, т. е. в собраниях текстов появляются комментарии, а это было немыслимо в условиях отсутствия письменности. Так в библиотеках рождается история текстов.

Что касается порядка, то если тексты в устной культуре организованы внешним образом — бытом и ритуалом, то собрания текстов требуют каталогизации. Хранитель организует хаос письменных документов в соответствии с новым *принципом — содержательной взаимозависимости*. Возникает предметный каталог. Позже, уже в Александрийской библиотеке примерно во II в. до н. э., появляется каталог алфавитный. Новизна заключается здесь в том, что у текстов появляется дополнительное измерение — они начинают относиться не только к обозначаемой реальности, но и друг к другу.

В случае с предметным каталогом организующим принципом была правильная организация управления. Когда Ашшурбанипал требовал, чтобы его сатрапы присылали ему таблички и их копии на деревянных воцеленных дощечках, его целью был «поиск инструкций для первого и седьмого месяцев года, определенных ритуалов для королевской опочивальни, для битв, для путешествий по опасной пустыне, для амулетов, охраняющих человека от зла» [8, с. 123]. Соответственно, если взять группу текстов из вавилонского корпуса Ниневийской библиотеки, то гадательные и религиозные тексты составляют 83,5%, тогда как медицинские — 5,1% (описания болезней и примерно в одном из десяти случаев списки камней и растений, которые использовались врачами), лексические — 3,5% (это, в основном, перечисление устаревших знаков), исторические — 1,7% (большой частью международные договоры), 1,1% эпико-мифологические тексты, один математический текст и 5% не идентифицированных по содержанию [8, с. 130—131]. И, разумеется, внутри отдельных групп был свой содержательный (хотя и не всегда нам понятный) порядок.

Слияние письма с речью имело по крайней мере два важных следствия с противоположно направленными векторами: во-первых, на основе письма развивается риторика. (Здесь и далее речь пойдет уже исключительно о европейской культуре.) Демократия требует публичного судопроизводства, софисты составляют речи, которые выучиваются и произносятся. Речь утверждается в отработанном звучании, но она уже зависит от письма. Это позволяет сделать речи значительно более многообразными, учесть характер воздействия на аудиторию периодов разной длины и сложности и т. д. Но, во-вторых, алфавитное *письмо*, являясь слепком звучащего слова, *начинает организовывать речь*, устная культура все больше и больше зависит в разных отношениях от письменной.

Что происходит с хранилищами текстов? Здесь начинается как внешнее, так и внутреннее упорядочивание текстов. Так, если в устной традиции количество песен в «Илиаде» Гомера не фиксировалось, в библиотеке это было сделано — «По-видимому, именно Зенодоту мы обязаны делением каждой поэмы на 24 книги (“песни”), которое сохранилось неизменным до настоящего времени» [2, с. 162]. Внешнее упорядочивание производится по содержанию, возникает библиография. В частности, Каллимах составляет свод специальных «Таблиц», принципы организации которых, правда, не вполне ясны. «Скорее всего, свод был составлен по жанрам, среди которых были отдельно выделены

эпические поэты, лирические, драматурги, философы, историки, ораторы и т. п. Есть основания считать, что в той части “Таблиц”, которая была посвящена произведениям драматургии, каждой отдельной пьесе был присвоен номер. Такой вывод можно сделать, если исходить из предисловия Аристофана к пьесе Софокла “Антигона”, где указан порядковый номер этой пьесы (тридцать второй)» [2, с. 166—167].

Кроме того, александрийские филологи выстраивали произведения по алфавиту. Тем не менее, каталоги были далеки от совершенства уже хотя бы потому, что многие свитки (а именно они составляли большинство единиц хранения) часто содержали только раздел большого произведения (скажем, одну из песен «Одиссеи») или совмещали тексты разных авторов и т. д. Свитки делились на «простые» и «смешанные». Возможно, под «смешанными» понимались «книги, которые представляли собой совокупность свитков, связанных или заключенных в одну коробку, как бы “перемешанными” между собой — так, что требовалось искать среди них требуемую часть памятника» [2, с. 161]. Названия произведений на свитках указывались в конце, что также не облегчало задачу. Использовался и еще один принцип хранения по авторам, а не по жанрам произведений. Стоит заметить, что как алфавитный принцип, так и нумерологический являются абсолютно внешними по отношению к содержанию произведений. Если учесть, что сам характер письма (стойхедон) исключал возможность быстрого чтения незнакомых текстов³, что в свитках гораздо труднее найти нужное место, к которому относится например комментарий, что аппарат ссылок еще отсутствовал, то становится понятно — внутренняя организация произведений была лишь дополнением к устному общению. *Книги звучали* и только как звучащие они и мыслились.

Позднее кодекс (прототип современной книги доэлектронной эпохи) вытесняет свитки, и постепенно на протяжении веков формируется *средневековый европейский текст*, организованный вокруг Библии. «Именно в библейском тексте появилась первая сформировавшаяся модель культуры, когда происходит объединение сакрального и секулярного и была выражена базовая парадигма будущей европейской цивилизации» [4, с. 356]. *Библиотеки хранят историю спасения и учение о спасении*, и в этом их главная функция. Схоласты представили в суммах мир, параллельный нашему. «Божественное богословие касается всего постигаемого, поскольку первый объект богословия Бога делает все прочее актуально познанным в Его разуме... Но по отношению к сотворенным умам блаженных дело обстоит иначе... Наше богословие фактически есть [знание] только того, что содержится в Писании, и того, что может быть

из этого выведено» [1, с. 145—147]. Аристотель приобретает такое значение для схоластики, потому что он задает логику, позволяющую войти в этот мир. Любое произведение, будь то сентенция, житие, хроника и т. д., имело значение лишь в отношении к известному набору христианских учений, таких как провиденциализм, Страшный суд, воля Божия и др.

Благодаря удобству книги-кодекса Библия оказалась испещренной ссылками на параллельные места. Фактически все тексты до эпохи Возрождения являются в известном смысле параллельными местами к тексту Писания. Будущие богословы вступали в этот мир, переписывая известные тексты и тексты своих учителей. Так формировались и пополнялись библиотеки первых европейских университетов. Причем понимание приходило не через чтение про себя и для себя, а через диспуты. Книга звучала при ее написании, при чтении и при обсуждении. Об этом, в частности, пишет Маршалл Мак-Льюэн [3]. Более того, письмо не просто было устной деятельностью, «но даже формой ораторского искусства, или тем, что в то время называлось *pronuntiatio*, которое составляло пятый основной раздел нормативного риторического учения» [3, с. 141. Со ссылкой на работу Иштвана Хайнала]. *Библиотека*, как и в древности, *была* собранием книг, но *не местом, где читают*, — все заглушали бы друг друга. Но, в отличие от древности, книги были связаны друг с другом содержательно, через их отношение к библейскому тексту. Появляется практика, невозможная в древности — «Значительная часть обширной корреспонденции средневековых ученых состоит из... запросов о местонахождении книг, о копиях книг, которые, по слухам, находятся в месте проживания адресата, о возможности одолжить книги в целях снятия копии» [8, с. 90, цит. по: 3, с. 198]. Библиотека стала единым целым, а любое частное собрание можно трактовать как ее филиал. Книги при этом были уникальны. Копии отличались друг от друга, и для того, чтобы как-то каталогизировать это многообразие одной и той же книги, использовались начальные слова на втором листе рукописи — *secundo folio*. Это было связано с тем, что первые слова книги обычно совпадали, тогда как второй лист мог и часто начинался по-разному, поскольку различались размеры листов, почерк и т. д. [7]. Но это не имело отношения к содержанию.

И еще один момент, характерный для средневековой библиотеки и, конечно, связанный с употреблением ограниченного числа языков и, в первую очередь, латыни как книжного (и почти совершенного) языка и универсальной грамматики как отражения единой логики, в соответствии с которой создан мир. Может быть, наиболее яркое выражение этой идеи дает нам Раймунд Луллий с его *Ars Magna* — великим искусством (стоит

заметить, что, будучи старшим современником Фомы Аквинского, писал Раймунд в основном на арабском и каталонском). Он создал своеобразный совершенный язык, который предполагал убедительное единство христианского мира через комбинаторику нескольких начал [6, с. 61—77].

В то же время влияние арабских мыслителей, которые принесли переосмысленные греческие тексты наряду с алхимией и астрономией, требовало опоры на разум. Еще в первой половине XII в. Аделяр Батский писал: «Конечно, Бог правит Вселенной. Но мы можем и должны изучать природу. Нас учат этому арабы» [10, с. 201]. Не случайно такое значение приобретает античная идея вечности мира, противоречащая Писанию. Идеи греческих философов в их новых одеждах все больше населяют Европу. Это никак не подрывает тезиса о Писании как ключевом тексте европейской культуры. Любая идея развивалась лишь в отношении к нему. Важно подчеркнуть, что уже в Средние века зарождается тот интеллектуальный прорыв, который был сделан наукой в начале Нового времени.

Но тем не менее средневековая библиотека глобальна. Скриптории уводят от национального начала. Книгопечатание к нему возвращает.

Итак, И. Гутенберг. С середины XV в. начинает резко расти количество книг и так же резко падает их цена. Тотальность христианского мышления начинает давать трещины. Книгопечатание определяет рост национализма и определяется им. Книги выходят в свет на национальных языках, которые начинают упорядочиваться и охватывать все большее количество сфер использования от художественной литературы и поэзии до науки. Латынь изолируется в католической церкви (Реформация отрывает от латыни протестантов) и университетах. Академия, продолжая линию изучения природы, постепенно все резче противопоставляет себя Церкви. Наука изобретает академии и периодические журналы, которые, начиная с XVII в., занимают все большее место среди печатной продукции. Принципиально то, что символом новой организации знания в эпоху Просвещения становится «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел», которая издавалась на протяжении 30 лет с середины XVIII века. Издатели пишут о своем замысле, что этот труд «ставит перед собой две задачи: как Энциклопедия, он должен показать, насколько это возможно, порядок и взаимосвязь человеческих знаний; как Толковый словарь наук, искусств и ремесел, он должен содержать в отношении каждой науки и каждого искусства, — является ли он свободным или механическим, — главные принципы, являющиеся его основой, и наиболее существенные детали, образующие его содержание и сущность». И далее: «Кто хотя бы немного размышлял о связи, существующей между открытиями, тому легко заметить, что науки и искусства оказывают друг другу взаимную помощь и что они, следовательно, являются звеньями одной цепи» [5, с. 55—56]. Таким образом, Дидро и Д'Аламбер утверждают единство человеческого знания, и служение этому единству становится делом создателей Энциклопедии, а вслед за ними — делом библиотеки.

К этому времени книга становится удобной для тихого и быстрого чтения: слова и предложения отмечены пробелами и заглавными буквами, знаки препинания до определенной степени показывают интонацию, она обрастает предметным и именным указателями. И это способствует тому, что *тексты замолкают*. Медленное чтение вслух сменяется быстрым чтением про себя. Дамы, по утрам раскрывающие в постели волюмчик французского романа карманного формата, начинают читать в тишине. То же делают члены «Республики ученых», но в залах библиотек. Только в это время, т. е. в эпоху Просвещения, *библиотека становится местом, где читают*. Собрания текстов дополняются залами для читателей. *Библиотека становится организованным коллективным молчанием*.

Пусть там снуют людские мириады
Под грохот огнедышащих машин,
Пусть зиждутся бездушные громады, —
Святая тишина, я здесь один.

(Вл. Соловьев)

Коллективным, потому что здесь все современники. Платон оказался рядом со св. Августином и Данте независимо от языка. Владимир Сергеевич Соловьев беззвучно общается с Валентином и Мейстером Экхартом. Отношение к единому тексту, как это было несколько веков ранее, утрачивается, поскольку в тысячи раз вырастает специализация и формируются отдельные тематические сообщества. Библиотека пытается удержать единство содержания книжного мира разными внешними и внутренними скрепами, включая алфавитно-предметные указатели, УДК, ББК и др.

Но когда мы говорим о книжном мире, определяя библиотеку именно как хранилище книг, — это не вполне верно. Ведь библиотекой называлось и хранилище глиняных, восковых и даже свинцовых табличек, и свитков, и астрономических и географических карт, патентов, и т. д. В библиотеках есть музыкальные отделы, где хранятся как ноты, так и пластинки с записями, т. е. когда появляются новые носители и новые способы фиксации культурно значимых текстов, они попадают в библиотеку.

Прежде чем перейти к появлению нового и такого мощного средства коммуникации, как Интернет, необходимо обсудить, что же является главной особенностью библиотеки. Для этого последовательно сравним ее со складом, архивом и музеем, т. е. с теми общественными институтами, с которыми библиотека пересекается больше всего.

От склада библиотека отличается по крайней мере по трем параметрам: во-первых, склад имеет отношение к миру материальной культуры, библиотека — к *миру духовной культуры*; во-вторых (и это вытекает из первого), на складе вещи хранятся временно, до того, как их реализуют, тогда как библиотека, по идее, *хранит фонд неопределенно долго*; в-третьих, на складе хранится ограниченное количество видов объектов, тогда как в библиотеке — неограниченное. Конечно, библиотека может иметь несколько экземпляров одного издания, но ценность библиотеки именно в том, что ее фонд формируется по принципу *увеличения разнообразия*.

По указанным трем признакам библиотека совпадает с архивом и музеем. Чем же она отличается от них? Начнем с архива. Допустим, при монастыре есть архив и есть библиотека. Чего мы ждем от них? Архив — это хранилище документов, создаваемых в повседневной жизни. Это фактически личное дело монастыря, так же как может быть архив городской — и он представляет

собой личное дело города, архив государственный — личное дело государства. И в библиотеке находятся книги, относящиеся к тому, что лежит за пределами конкретного монастыря. Хотя изученный архив может стать книгой и в качестве примера жизни одного монастыря попасть в библиотеку. В книгу могут быть отобраны документы для публикации, но в том случае, если они представляют интерес более общий. Иначе говоря, у архива и библиотеки разный вектор интереса. Если архив — это личное дело определенного субъекта, то библиотека — это, условно говоря, *личное дело культуры человечества*. (И неважно — это библиотека Оксфордского университета или небольшая школьная библиотека. И то и другое — слепок культуры разной степени детализации.)

По последнему признаку библиотека совпадает с музеем. Чем же она от него отличается? Музей, как и склад, хранит предметы материальной культуры. Если даже он хранит книги, то в первую очередь как предметы, *отражающие эпоху, когда они были созданы*. Одни и те же книги в библиотеке и в музее будут восприниматься по-разному. В библиотеку мы идем за содержанием, в музей книги — за историей книгопечатания, здесь нам интересны виды изданий, переплеты и т. д. В музее мы ценим аутентичность объекта, его *уникальность*. В библиотеке это вторично. Конечно, приятно держать в руках экземпляр прижизненного издания, скажем, Ф.М. Достоевского или И.С. Тургенева. Но содержание важнее. Мы мыслим эти вещи в музее и библиотеке в разных аспектах: в музее А.С. Грибоедова томик Ш. Монтескье будет лежать рядом с очками на вышитой салфетке, а для читателя Ш. Монтескье оказывается в ряду с Дж. Локком и Г. Гроцием. Библиотека обеспечивает доступ к содержанию уникальных объектов, делая это содержание общедоступным через размножение, копирование и т. д.

Итак, исходя из названных сопоставлений, можно заключить, что библиотека — это *постоянно дополняемое и организуемое, доступное всем личное дело духовной культуры человечества*.

Теперь несколько слов о том, что дают новые носители информации и Интернет как способ коммуникации. Печатная книга перевела коммуникацию из устной формы в визуальную. Многомерный мир реконструируется читателем из плоскости письменной речи. Электронные носители позволяют нести звук и движение. Библиотеки уже хранят аудиокниги и фильмы. Причем неважно, если это называется «фильмотека», важно то, что она окажется организованной по содержанию, как и книжные тексты. Организованный текст культуры в будущем сможет включать в себя запахи, вкусы и прикосновения, вопрос только в том, смогут ли они стать частью духовной культуры.

Человеческий мир по мере урбанизации все больше и больше становится толпой одиночек. И электронные средства дают возможность каждому это одиночество лелеять. Если раньше библиотека открывала читателю дверь на склад истории мысли, где он должен был ходить на цыпочках, то теперь библиотека оказалась рядом с огромным торговоразвлекательным центром. И для того чтобы привлечь к себе внимание, библиотека пытается превращаться в клуб, т. е. интеллектуальному общению изолированных людей с использованием электронных средств коммуникации библиотека предлагает общение личное. Она не может оставаться складом на окраине, куда все реже и реже заходят. И это одна из важных функций библиотеки в новом обществе. Но, думается, все же базовой для библиотеки является ее уникальная функция организации мира духовной культуры. Библиотека остается и развивается как система дорожного движения в этом мире. Соответственно, *библиотекарь — не кладовщик, а регулировщик.*

Примечания

- ¹ Известно, что целиком они были исполнены первый раз при Солоне и второй — при Писистрате.
- ² Для этого нужны еще как минимум упорядоченный календарь и идея всемирной истории.
- ³ Специфика этого типа письма в том, что каждая буква пишется под другой, слова не выделяются пробелами, знаки препинания практически отсутствуют.

Список источников

1. Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное. — М. : Изд-во Францисканцев, 2001. — 583 с.
2. *Борухович В.Г.* В мире античных свитков / В.Г. Борухович ; под ред. проф. Э.Д. Фролова. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. — 223 с.
3. *Мак-Люэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. — Киев : Ника-Центр, 2003. — 432 с.
4. *Пиков Г.Г.* Христианство и средневековая европейская культура: монография / Г.Г. Пиков. — Новосибирск : Манускрипт, 2011. — 400 с.
5. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. — М. : Наука, 1994. — 720 с.
6. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. — СПб.: Александрия, 2007. — 423 с.
7. Dictionary for Library and Information Science / by Joan M. Reitz. — URL: <http://www.abc-clio.com/ODLIS/searchODLIS.aspx> (дата обращения: 26.06.2015).
8. *Fincke Jeannette C.* The Babylonian Texts of Nineveh. Report on the British Museum's Ashurbanipal Library Project // Archiv für Orientforschung 50 (2003/2004). — P. 111—149.
9. *Goldschmidt E.P.* Medieval Texts and Their First Appearance in print / E.P. Goldschmidt. — Oxford : Oxford University Press, 1943. — 156 p.
10. *Lyons J.* The House of Wisdom. How Arabs Transformed Western Civilization / Jonathan Lyons. — New York etc. : Bloomsbury Press, 2009. — 248 p.

Контактные данные:
e-mail: oleg.donskikh@gmail.com